

Шкатулка

Еще совсем ребенком Фраскита уединялась с шитьем. Мать очень скоро заметила ее сноровку, то, как удивительно она владеет иглой, и смеялась, глядя, как девочка пришивает оторванную пуговицу или кропотливо подрубает край.

Фраскита набила руку, зашивая прохудившиеся штаны, и от штанов к штанам нитка ложилась все ровнее, стежки становились все более мелкими, движения — быстрыми, глаз — верным.

На время предшествовавшего инициации поста Фраскиту от шитья отлучили. Для нее это было тяжелым лишением, и потому сразу после Пасхи девочка с удвоенным пылом вернулась к работе.

До тех пор Фраскита, штопая, стремилась воспроизвести переплетение нитей ткани, воссоздать ее и так в этом преуспела, что работа становилась невидимой. Напрасно отец искал протертые места на коленях или в промежности своих штанов — они были как новые. Но после Страстной недели Фраските наскучило такое смирение, и она все чаще показывала свое искусство. Теперь простыни были усыпаны

крохотными белыми цветочками, а на шрамах ткани, прикрывая соединенные края раны, замелькали еле заметные птички. Белым по белому, черным по черному — штопка дала ей возможность приобщиться к вышивке, и на материнских шаях появились розочки.

Только рукоделие и помогало Фраските устоять перед грозным искушением, перед шкатулкой, стоявшей в углу ее комнаты.

Тяжелый, черный, грубо сработанный куб ее ждал. Деревянную поверхность, покрытую патиной, так и тянуло погладить.

Углы шкатулки, конечно, обтерлись за века, но ни один жучок, ни один древоточец ни разу не позволил себе полакомиться ее темной плотью.

В первое время Фраскита садилась перед шкатулкой и часами ее разглядывала, пытаясь слиться с сумрачной материей, так в нее всматривалась, что вскоре знала каждый след от сучка. Она до того сосредоточивалась на этом предмете, что начинала кружиться голова.

Но шкатулка не поддавалась, шкатулка даже не приоткрывала свою тайну.

Теперь Фраскита могла выходить из своей комнаты когда ей заблагорассудится. Она бродила по окрестностям со своим маленьким стадом, а вернувшись домой, помогала матери по хозяйству, потом бралась за штопку и штопала усердно, стараясь забыть про шкатулку.

Поначалу Фраскита думала — ей ни за что не продержаться девять месяцев, не устоять перед neodолимым желанием открыть шкатулку. Не раз она уже го-

това была приподнять крышку, которую не охранял никакой замок. Но, подумав о матери, которая совершила эту ошибку до нее, отводила руку.

На десятое воскресенье после Пасхи Франсиска начала в кухне обучать ее действиям.

— Видишь ли, мелодию я знаю, а слова забыла. Я не могу прочитывать эти молитвы, но каждая из тех, которым тебя научили, должна сопровождаться действиями, которые я тебе покажу. Сегодня мы займемся *carne cortada**. Для того чтобы лечить порезы, достаточно произносить заклинания, повторяя действия, которые я сейчас при тебе совершу.

Взяв два крупных белых яйца, она разбила их о край чашки, перемешала белок с желтком и вылила все это в чугунок.

— Да сними же ты их с огня, пока не подгорели! — беспокоилась Фраскита.

— Они и должны подгореть, а когда совсем почернеют, пропитай тряпку оливковым маслом и собери на нее то, что останется от яиц. Чтобы порез зажил быстрее, ты должна вот так нарисовать на нем три креста.

И тут Фраскита, пристально смотревшая на мать, заметила, как за последнее время поседели ее волосы, как увяла кожа на руках. Она обнаружила, что ее мать стала старухой.

— Мама, как ты потеряла дар?

— Я получила ту самую шкатулку, когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас. И за три месяца до

* Дословно с испанского: резать плоть. — Здесь и далее примеч. перев.

конца испытания открыла ее, решив, что никто никогда об этом не узнает. Шкатулка была пуста, а я тут же забыла все молитвы, которые мне передали.

— Но кто же научил меня, если ты их забыла? Значит, это не твой голос я слышала среди могил?

— Нет. Когда я открыла шкатулку, мне показалось, что я открываю собственный череп. Все слова, запертые в нем несколько месяцев назад, разом вылетели. Я тут же опустила крышку. В голове у меня оставалась всего одна молитва третьей ночи, ты слышала ее от меня на кладбище. Мы потеряли ее на сто лет.

— А кто посвятил тебя?

— Моя мать. Я хочу попросить тебя об услуге. Спрячь эту шкатулку в надежном месте!

— Куда мне ее отнести?

— Понятия не имею, но ее надо спрятать! Я очень боюсь самой себя, девочка моя. Ты должна унести дальше свой секрет, сделать его недоступным для твоей матери! И смотри, чтобы я тебя не выследила!

Той землей правил человек по имени Эредиа. Вся она, до последнего камешка, принадлежала ему. Никто не знал, когда и при каких обстоятельствах его семья завладела этим краем — в стороне от проторенных людьми дорог и от божественного света. Богу Эредиа оставил лишь далекие синие небеса. Белые скорлупки хижин на холмах Сантавелы были как в тисках зажаты между лазурью и камнями. Небо принадлежало Богу, камни — сеньору Эредиа, от которого зависела жизнь деревни. Случалось, люди уже не знали, к кому из них двоих обращать молитвы.

В тот же вечер Фраскита нехотя пошла в принадлежавшую этому сеньору оливковую рощу, чтобы зарыть там шкатулку.

Она впервые ночью вышла из дома одна и теперь не узнавала дорог, по которым ходила, сколько себя помнила. Самые обычные, знакомые предметы в темноте как-то странно выпирали. Она спотыкалась о каждый камень, запинаясь о ступеньки, размахивая руками в ухабистой тьме. Деревня была непривычной, Фраскита удивлялась размерам домов и очертаниям деревьев. Все словно растворялось, медленно таяло в ночи: листья сливались между собой, окна казались дырами в бесформенной гряде фасадов, линии расплывались, исчезали в полумраке, земля поглощала камни, а небо поглощало землю. Мир был заполнен неясными темными пятнами, будто изрыт провалами. Лохмотья забрызганного огоньками неба, разодранного пилой гор, свисали до самой земли. Стеной стояли смоковницы, иные, уже усыпанные шарами крупных незрелых плодов, словно смотрели, как она проходит в тени деревьев.

В правой руке Фраскита держала отцовскую лопату, в левой — плетеную корзину. Очень страшно было идти по узкой тропинке, наполовину съеденной ночью, точно выгрызавшей из нее куски. Встала огромная луна. Облила размытым белым светом оливы, которые потрескивали, будто пальцами щелкали.

Фраскита удивилась, какой шумной оказалась ночь. Остановившись у самого большого дерева, какое нашла, она вырыла под ним довольно глубокую яму, опустила туда шкатулку, засыпала яму и хорошенько примяла руками сухую землю. Фраскита начинала

приручать ночь. Она внимательно посмотрела на оливу, которой доверила свое сокровище, чтобы запомнить ее. Ствол, раздвоенный у основания, соединялся выше, как если бы два дерева несколько лет росли рядом, а потом сплелись.

Поглощенная созерцанием древесной четы, она понемногу забыла о страхе, но вдруг мужской голос у нее за спиной произнес какое-то число, и она едва успела спрятаться за тем самым стволом, который разглядывала. Тень двигалась прямо к ней.

У тени было лицо прекрасного юноши.

Остановившись перед двойной оливой на том самом месте, где Фраскита только что зарыла свою шкапулку, он прокричал во весь голос: “Сто девяносто восемь!”

Фраскита проводила взглядом широко шагавшего красавца с тонкими чертами лица, так ее напугавшего. Он встал навытяжку перед следующим деревом, оглушительно выкрикнул: “Сто девяносто девять!” — и двинулся дальше, считая оливы. Едва он скрылся из виду, девочка подхватила лопату с корзиной и пустилась наутек.

И ни разу не обернулась, пока не добежала до деревни.

Поравнявшись с первыми домами, она встретила взглядом с блестящими глазами какого-то беса, обернувшегося котом, чтобы не давать покоя полевым, и замерла на месте. Желтые глаза мерцали между небом и землей. Зверь несколько мгновений смотрел на нее, будто взглядом прикалывал, как бабочку, к ночному пейзажу, потом отвел глаза, плавно соскользнул с дерева и растворился в темноте. Фраскита опомни-

лась, хотя так и не смогла до конца убедить себя, что это всего-навсего соседский кот, и побежала дальше. Тяжело дыша, толкнула дверь, ощупью пробралась через комнату и упала на постель.

Шли дни, шли недели. Натерпевшись страха во время ночной вылазки, Фраскита и не думала возвращаться к двойной оливе, под которой зарыла свое сокровище.

Зато ее мать постоянно находила всевозможные предлоги, чтобы перевернуть все вверх дном в их маленьком домике или сдвинуть с места какой-нибудь старый камень в патио. Любопытство не давало ей покоя. Желание проникнуть в тайну шкатулки так разгорелось в ней, что она едва не утратила разум.

— Надеюсь, ты не потеряла то, что было тебе доверено, а спрятала в надежном месте. Одному Богу известно, что может случиться, если кто-то найдет эту шкатулку и раньше нас ее откроет. Она все еще в доме? — в конце концов спросила мать у Фраскиты.

— Нет, в доме ее давно уже нет. Мы ходим за ней через три месяца туда, где она спрятана, и можешь не беспокоиться, никто раньше нас ее не откроет!

— Ты схоронила ее во дворе?

— Не во дворе и не в деревне. Она далеко, без моей помощи тебе ни за что до нее не добраться.

— Так скажи мне, куда ты ее отнесла! Я знаю место, где ее можно спрятать так, что никто никогда у нас ее не заберет.

— Ей хорошо и там, где она теперь.

— Как ты можешь настолько не доверять своей старушке-матери?